

Александр Грин

Новый цирк

Александр Степанович Грин
Новый цирк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314102

Содержание

I. Должность	4
II. Представление	7
III. Конец нового цирка	12

Александр Степанович Грин Новый цирк

I. Должность

Я выпросил три копейки, но, поскользнувшись, потерял их перед дверями пекарни, где намеревался купить горячего хлеба. Это меня взбесило. Как ни искал я проклятую монету – она и не думала показываться мне на глаза. Я промочил, ползая под дождем, колени, наконец встал, оглядываясь, но улица была почти пуста, и надежда на новую подачку таяла русским воском, что употребляется для гаданий.

Два месяца бродил я по этому грязному Петербургу, без места и крова, питаюсь буквально милостыней. Сегодня мне с утра не везло. Добрый русский боярин, осчастлививший меня медной монетой, давно скрылся, спеша, конечно, в теплую «изба», где красивая «молодка» ждала его уже, без сомнения, с жирными «щи». Других бояр не было видно во-круг, и я горевал, пока не увидел человека столь странно одетого, что, не будь голоден, я убежал бы в первые попавшиеся ворота.

Представьте себе цилиндр, вышиною втрое более обык-

новенных цилиндров; очки, которые с успехом могла бы надеть сова; короткую шубу-бочку, длинненькие и тонкие ножки, обутые в галоши Э 15, длинные космы волос, свиное рыло и вместо трости посох, в добрую сажень вышиной. Чучело картинно шагало по тротуару, не замечая меня. Весь трепеща, приблизился я к герою кунсткамеры, откуда он, вероятно, и сбежал. Самым молитвенным шепотом, способным растрогать очковую змею, я произнес:

– Ваше сиятельство. Разбитый отчаянием, я умираю с голода.

Привидение остановилось. В очках блеснул свет – прохожий направил на меня свои фосфорические зрачки. Невообразимо противным голосом этот человек произнес:

– Человека труд кормит, а не беструдие. Работай, а затем – ешь.

– Это палка о двух концах, – возразил я. – Немыслимо работать под кишечную музыку, так сказать.

– А, – сказал он, сморкаясь в шарф, которым была окутана его шея. – Сколько же тебе нужно фунтов в день пищи?

– Фунта четыре, я полагаю.

– Разной?

– Хорошо бы... да.

Урод полез в карман, извлек сигару и закурил, бросив мне спичку в лицо. Это было уже многообещающей фамильярностью, и я вздрогнул от радости.

– Как зовут?

– Альдо Путано.

– Профессия?

– Но, – торопливо возразил я, – что такое профессия? Я умею все делать. В прошлом году я служил у драгомана¹ в лакеях, а в этом рассчитываю быть чем угодно, вплоть до министра. Беструдие же и порицаю.

– Хорошо, – проскрипел он. – Я нанимаю тебя служить в цирке. Обязанности твои не превышают твоих умственных способностей. Потом узнаешь, в чем дело. Жалованье: кусок мыла, вакса, пачка спичек, фунт табаку, четверка калмыцкого чая, два фунта сахарного песку и сорок четвертаков в месяц, что составит десять рублей.

– Быть может, – робко возразил я, – вы назначите мне шестьдесят четвертаков, что составит совершенно точно – пятнадцать рублей.

– Будь проклят, – сказал он. – Идешь? Я зябну.

– Я следую за вами, ваше сиятельство.

¹ Драгоман – официальный переводчик при дипломатических представительствах и консульствах на Востоке.

II. Представление

Самое пылкое воображение не могло бы представить того, что удалось увидеть мне в этот вечер. Шагая за чудесным патроном, я через несколько минут приблизился к круглому деревянному зданию, освещенному изнутри; у подъезда извозчики и автомобили. На фронтоне сияла огромная, малеванная красной краской, полотняная вывеска:

ЦИРК ПРЕСЫЩЕННЫХ

Небывало! Невероятно!

Раздача пощечин!

Истерика и др. аттракционы

Мы прошли в деревянную пристройку. При свете жестяной лампы сидело здесь несколько человек. Некоторые из них были одеты в шкуры зверей и потрясали палицами; другие, в отличных фраках и атласных жилетах, звенели тяже-

лыми кандалами на руках и ногах; третьи щеголяли дамскими туалетами и путались в тренах. Волосатые декольте их были ужасны.

– Он будет служить, – вскричал патрон, указывая на меня.

Рев, звон кандалов и жеманный писк приветствовали эти слова.

– Альдо, – сказал патрон, – ты выйдешь на арену со мной.

Когда я дерну тебя за волосы, кричи: «Горе мне, горе».

– Да, маэстро.

– Громко кричи.

– Да, маэстро.

Он дал мне пинка, и я, услышав вслед: «Смотри представление», – выбежал через конюшню к барьеру. Блеск люстр ослепил меня. Цирк был полон, нарядная толпа зрителей ожидала звонка. Осмотревшись, я увидел, что лица публики бледны и воспаленны, синеватые тени окаймляют большинство тусклых глаз; иные же, румяные, как яблоко, лица были противны; на эстраде играл оркестр. Инструменты оркестра заинтересовали меня: тут были судки, подносы, самоварные трубы, живая ворона, которую дергали за ногу (чтобы кричала), роль барабана исполнял толстяк, бивший себя бутылкой по животу. Капельмейстер махал палкой, похожей на ту, которой протыкают сига. Гром музыки нестерпимо терзал уши. Наконец, оркестр смолк, и на арену выбежал мой патрон с ужасной своей кандално-декольтированной свитой; эти люди тащили за собой собаку, клячу-одра и сидевшего на одре

верхом деревенского парня в лаптях.

– Вот, – сказал патрон, указывая на перепуганную собаку, – недрессированная собака.

Раздались аплодисменты.

– Собака эта, – продолжал патрон, – замечательна тем, что она не дрессирована. Это простая собака. Если ее отпустить, она сейчас же убежит вон.

– Бесподобно! – сказал пшют² из ближайшей ложи.

– В обыкновенных цирках, – патрон сел на песок, – все дрессированное. Мы гнушаемся этим. Вот, например, – крестьянин Фалалей Пробкин, неклоун. «Неклоун». Это его профессия. Вот – недрессированные – корова и лошадь.

Кое-где блеснули монокли и лорнеты. Публика внимательно рассматривала странных животных и неклоуна. Я чувствовал себя нехорошо. В это время, косо поглядев в мою сторону, патрон схватил меня за волосы и вытащил на середину арены.

– Теперь, – сказал он, – чтобы вы не скучали, я буду щеко-тать нервы. Слушайте вы, негодяи! – Тут его пальцы крепко впились мне в затылок, и я пронзительно заорал:

– Горе мне, горе!

– Да, – продолжал он, – пройдохи, плуты, лгуны, мошенники и подлецы. Облить бы вас всех керосином! Я, Пигуа де Шапоно, даю ряд великих советов. Советы – это второе отделение. Проповедь любви, жизни и смерти! Красивая и ин-

² Пшют – фат, хлыщ.

тересная жизнь может быть приобретена с помощью следующих предметов: электромотора, мясного порошка и вставных челюстей.

– Горе мне, горе!

– Что касается любви, то лучший рецепт следующий. встав рано, следует обтереться холодной водой, выпить стакан сливок с мадерой, съесть сотню петушьих гребешков, дюжину устриц, пикули, кайенский перец, запить все это стаканом гоголь-моголя, чашкой шоколада, абсентом и затем купить хорошую лодку. В эту лодку можно заманить женщину... трум-тум-тум.

– Горе мне! – возопил я, хватаясь за волосы, потому что пальцы Пигуа де Шапоно почти вырывали их.

– Относительно смерти, – ораторствовал Пигуа, – посоветую вам, для приобретения бессмертия, ворваться в какой-либо музей, отбить головы у Венер, облить пивом пару знаменитых картин, да еще пару изрезать в лохмотья, и – бессмертие состряпано.

Но дома (если вы попадете домой) нужно написать мемуары, где вы признаетесь, что вы повесили кошку и проглотили живого скворца.

– Горе мне! Больно!.. – застонал я.

Публика неистовствовала. Гром одобрения заглушил мой жалобный вопль. Опасаясь, что Пигуа подаст больше советов, чем у меня на голове волос, я вырвался, сшиб с патрона цилиндр и уже осматривался, в какую сторону удирать, как

вдруг раздались крики: «Пожар! Спасайтесь! Горим!», – и началось невообразимое.

III. Конец нового цирка

Все смешалось. Люди прыгали друг через друга, дрались, падали; женщины, падая сотнями в обморок, загораживали проходы и висли обременительным грузом на руках проклинаящих их в эту минуту отцов, мужей и любовников. Арена опустела. Все бросились к боковым проходам, и меня раза три сбили с ног, прежде чем я успел, шагая по головам и плечам, выскочить на наружную лестницу. Огня еще не было видно, но скоро он показался и осветил площадь мрачными отблесками. Проклиная Пигуа де Шапоно, от рук которого до сих пор щемило затылок, я отбежал в сторону от горящего здания и сел на тумбочку, рассматривая пожар.

Пулей вылетали из проходных дверей спасшиеся от огня зрители; остальные же, без сомнения, не успев обессмертить себя, скромно оканчивали жизнь внутри цирка. Мне это понравилось. В нашей бедной жизни так мало развлечений, что на пожар, обыкновенно, сбегаются целые кварталы, и, боже сохрани, чтобы я видел в толпе зрителей сочувствующее погорельцам лицо. Тупо, страшно, дико смотрит на пожар бессмысленная толпа, и я, как ее сын, мог ли смотреть иначе? Сначала я был действующим лицом, а теперь стал зрителем.

Цирк сгорел быстро, как соломенный. Сгорел. Мертвые срама не имут.